

Андрей Сушков

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

**СВЕРДЛОВСКОЕ РУКОВОДСТВО
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОДОВОРОТАХ
1937–1938 ГОДОВ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(47).084.6

В статье рассматриваются управленческие практики партийно-государственной номенклатуры Свердловской области в 1937–1938 гг. в период руководства А.Я.Столяра. Областное руководство во главе со Столяром демонстрировало приверженность политическим преобразованиям Сталина и установкам верховной власти, но в действительности оказывало молчаливо-упорное сопротивление в их реализации по той причине, что эти преобразования ограничивали всевластие региональной партноменклатуры, угрожали ее материальному благополучию и стабильности.

The paper examines administrative practices of the Sverdlovsk region party-state nomenclature in 1937–1938 during the leadership of A.Ya.Stolyar. Regional leadership headed by Stolyar demonstrated commitment to Stalin's political reforms and directives of the supreme power but in reality offered tacitly stubborn resistance to their implementation on the grounds that these changes limited absolute power of the regional party nomenclature, threatened its material well-being and stability.

Ключевые слова: А.Я.Столяр; И.В.Сталин; партийно-государственная система власти; управленческие практики.

Key words: A.Ja.Stolyar; I.V.Stalin; party and state system of the power; administrative practices.

Изменение принципов подбора и расстановки руководящих кадров, наряду с перестройкой деятельности комитетов ВКП (б) в соответствии с требованиями устава партии и «основами внутрипартийного демократизма»¹, явились ключевыми элементами реформирования И.В.Сталиным советской политической системы в 1937 г.

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. Сталин потребовал подбирать кадры не по личному знакомству, личной преданности и приятельским отношениям, а по деловым признакам. В качестве отрицательного примера он привел кадровую политику первого секретаря ЦК КП (б) Казахстана, бывшего секретаря ЦК КП (б) Азербайджана и Уральского обкома ВКП (б) Л.И.Мирзояна. Последний игнорировал местные казахские кадры и, по выражению Сталина, таскал за собой приятелей, дружков из Азербайджана и с Урала, расставляя их на ключевые посты в республиканском партийно-государственном аппарате, создал группу лично ему преданных людей. «Так подбирать людей не годится, – наставлял Сталин. – <...> Этот метод подбора небольшевистский, я бы сказал, антипартийный метод подбора людей, с этим методом товарищи должны покончить, пока не поздно» [12, с.13–14].

На пленуме Сталин в очередной раз потребовал развивать критику снизу, «воспитывать кадры на их собственных ошибках», «иметь мужество честно признать свои ошибки», «критиковать, сколько влезет». Необходимость развития критики и самокритики была прописана в резолюции пленума, которую прорабатывали во всех парторганизациях Советского Союза [12, с.15–16; 11, с. 379]

14 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) опросом принял необычное постановление. Заголовок документа – «О первых секретарях Донецкого, Свердловского и Ярославского обкомов» – не являлся чем-то из ряда вон выходящим и вполне соответствовал политическим реалиям того времени, когда решением высшего органа власти назначались и освобождались региональные партийные чиновники. Другое дело – формулировки принятого решения. Второй пункт постановления звучал так: «Предрешить рекомендацию на пост первого секретаря Свердловского обкома т. Столяра» [1, д.987, л.58]. И хотя в документе отсутствовало упоминание о действовавшем до того времени первом секретаре обкома партии Иване Дмитриевиче Кабакове, фактически постановление под-

¹ Развитие критики и самокритики, введение тайного голосования при выборах партийных комитетов всех уровней, повышение ответственности партийных органов перед «партийными массами» и активизация этих самых масс и т.д.

водило черту под его восьмилетним правлением на Урале. Бывший «вождь уральских большевиков» в это самое время находился еще на свободе, через два дня его ждала встреча со Сталиным, ставшая переломной в его судьбе [13, с.209].

Необычная формулировка решения Политбюро была обусловлена последними сталинскими нововведениями, когда все члены партийных комитетов, не исключая секретарей, подлежали избранию тайным голосованием на партийных конференциях. Иначе говоря, Абрам Яковлевич Столяр на предстоящей областной партконференции теоретически мог быть не избран членом Свердловского обкома ВКП (б), а следовательно, не сумел бы занять кресло первого секретаря обкома. Поэтому и представлять местному «истэблишменту» совершенно незнакомого чиновника, ранее возглавлявшего Кировский обком и Кировский горком ВКП (б), в Свердловск приехал один из соратников Сталина, член Политбюро и секретарь ЦК А.А.Андреев.

Участникам XV пленума обкома партии 22 мая 1937 г. Андреев сообщил, что ЦК ВКП (б) своим постановлением рекомендовал А.Я.Столяра в качестве первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б). «Я думаю, что многие из присутствующих товарищей товарища Столяр знают не впервые, – заявил Андреев. – Товарищ Столяр хороший

большевик, доказавший на практике эти свои качества, боевой большевик, прекрасно руководил Кировской областью. Я думаю, что он прекрасно будет руководить и у вас на посту первого секретаря обкома» [3, д.27, л.21].

Спустя несколько дней, в выступлении на Свердловской городской партконференции Андреев от имени ЦК ВКП (б) представил Столяра «столичной» партноменклатуре как руководителя, «проверенного на целом ряде парторганизаций, на руководстве этих парторганизаций». И лично, когда дело дошло до формирования состава членов горкома, предложил его кандидатуру для включения в список для тайного голосования, добавив: «Мы убеждены в том, что товарищ Столяр

А.Я.Столяр

окажется таким же хорошим руководителем, каким он был до сих пор, и в Свердловской области» [3, д.27, л.46; 10, д.104, л.268].

Предложение одного из соратников Сталина было встречено аплодисментами. Большинство присутствовавших в зале были либо ознакомлены, либо наслышаны о постановлении бюро Свердловского обкома от 21 мая, которым на А.Я.Столяра было возложено исполнение обязанностей первого секретаря обкома, и с соответствующим решением XV пленума обкома. И потому из зала городской партконференции поступил лишь один, да и тот формальный, вопрос: «Какой партийный стаж товарища Столяр?» – «Товарищ Столяр не особенно старый человек, но имеет двадцатилетний партийный стаж», – ответил Андреев [10, д.104, л.268].

«Среднеуральский истеблишмент» покорно подчинился решению высших партийных инстанций. Кремль и Старая площадь, отправляя в жернова НКВД одного регионального «вождя» за другим, оказали Кировскому секретарю высокое доверие и новым назначением фактически повысили его во властной иерархии. А для его безболезненного «воцарения» на Среднем Урале, в крупном индустриальном регионе, в Свердловск командировали важного кремлевского начальника из ближайшего окружения Сталина. И потому верховная власть была вправе ожидать, что, в отличие от объявленного врагом народа предшественника, новый первый секретарь Свердловского обкома и Свердловского горкома ВКП (б) станет надежным проводником сталинских политических преобразований.

Но... уже самые первые шаги Абрама Яковлевича на уральской земле свидетельствовали, что он словно ничего не слышал о речи Сталина на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., растиражированной во всех советских газетах и партийных журналах.

«...Порученная мне работа оказывалась и оказалась абсолютно не по плечу»: кадровая политика А.Я.Столяра

Безусловно, Столяр тщательно соблюдал все необходимые ритуалы точно так же, как и предыдущий «вождь» Кабаков, клялся в верности проводимой Сталиным политике.

Сделать это публично позволила ближайшая областная партконференция, созванная в июне 1937 г. «На свою вторую областную партийную конференцию большевики Свердловской области вместе со всей нашей партией пришли вооруженные решениями последнего пленума ЦК, вооруженные замечательным по своей глубине, по силе своих указаний

докладом товарища Сталина и его заключительным словом», – торжественно провозгласил он на открытии партийного форума [4, д.2, л.4].

На деле же бывший «вождь кировских большевиков» не мыслил себя, свою руководящую деятельность в Свердловске без проверенного годами, лично ему преданного окружения, привезенного им из Кирова, – «хвоста», как предписывал именовать это окружение политический лексикон того времени.

В Свердловск новый хозяин области прибыл в сопровождении целой свиты, куда входили руководящие работники, помощники и даже шоферы. В общей сложности Абрам Яковлевич перетащил за собой из Кирова более десятка человек [8, д.12, л.130–131]. Самые высокие посты получили Борис Захарович Берман, занявший кресло третьего секретаря обкома, и Алексей Петрович Грачев, который вначале был назначен заведующим промышленным отделом обкома, а позже, в октябре 1937-го – председателем облисполкома. Учитывая, что второго секретаря в обкоме не было почти на всем протяжении столыровского правления, эта троица стала заправлять всеми (или почти всеми, так как к тому времени значительно возросла роль начальника областного УНКВД) делами в бюро обкома.

Что это были за люди? А.Я.Столяра и Б.З.Бермана связывала между собой малая родина – Забайкалье. На свет они появились с разницей в 4 года: первый – в одном из сел Читинского уезда, второй – в самой Чите. Родители того и другого не бедствовали. Отец Абрама Яковлевича был крепким крестьянином, позже владел золотым прииском; у Бориса Захаровича отец был состоятельным домовладельцем. В последующем тоже было много общего. Оба прошли гражданскую войну, были на подпольной партработе, при советской власти стремились получить партийно-пропагандистское образование: Столяру это удалось, он успешно окончил Коммунистический университет им. Я.М.Свердлова в Москве; Берман был менее удачлив – учился в лекторской группе Коммунистического университета трудящихся Востока и в Экономическом институте красной профессуры, но ни то, ни другое заведение окончить ему не удалось. И оба трудились на партийно-идеологической ниве, даже в разное время возглавляли один и тот же отдел крайкома в Нижнем Новгороде (Горьком). Когда А.Я.Столяр в конце 1934 г. возглавил Кировский крайком ВКП (б), на должность первого секретаря подведомственного крайкому Удмуртского обкома²

² В то время Удмуртская АССР входила в состав Кировского края.

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

он провел своего земляка Бермана. А в 1937-м забрал его с собой в Свердловск и сразу возложил на него временное исполнение обязанностей второго секретаря обкома. Старую площадь, однако, кандидатура Бермана не устроила, и та назначила вторым секретарем обкома Константина Васильевича Абаляева, ранее работавшего заведующим отделом руководящих парторганов Челябинского обкома³. Берман был вынужден довольствоваться «лишь» креслом третьего секретаря. Правда, спустя месяц Москва отозвала Абаляева из Свердловска и направила его в Саратов первым секретарем обкома ВКП (б). Заветное место вновь оказалось вакантным, и Столяр предпринимал решительные, хотя и безуспешные, попытки добиться от ЦК разрешения

Б.З.Берман

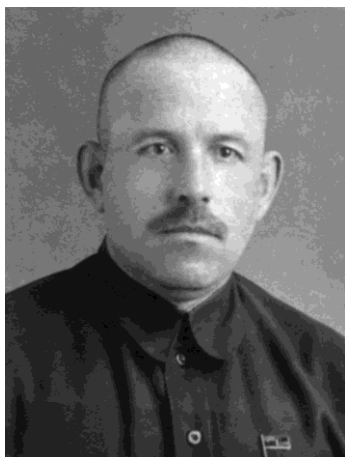
усадить на него Б.З.Бермана [4, д.4, л.99–100, 109–110; 6, д.127, л.2–5; 8, д.12, л.136; 15, с.28–29]. Впрочем, Берман фактически таковым и являлся, если учитывать, что официальный «второй» в столяровском обкоме после Абаляева так и не появился. Во всяком случае, как районные и городские секретари, так и обкомовские аппаратчики воспринимали Бермана как «второго» в обкоме [8, д.12, л.16, 54, 74].

Зато Столяр не упустил другое важное кресло в руководстве области – председателя облисполкома, в которое усадил 41-летнего Алексея Петровича Грачева. Председатель облисполкома, как правило, был «личной номенклатурой» первого секретаря обкома, и Москва дала согласие на такую кадровую рокировку. Членов бюро обкома Столяр уверял, что председатели облисполкомов в самых разных концах страны, которых ему доводилось встречать, часто по своим деловым качествам уступали Грачеву. Грачева же Столяр презентовал как руководителя, знающего промышленность, что он – «партийный человек» [8, д.12, л.83].

³ Следует отметить, что даже в кабаковские времена вторые секретари обкома были ставленниками Москвы.

А.П.Грачев до переезда в Свердловск работал первым секретарем Кировского горкома и совсем чуть-чуть – вторым, когда должности первых секретарей обкомов и «столичных» горкомов были совмещены. Это тоже был старый знакомый Столяра по совместной работе в конце 1920-х. Когда Столяр возглавлял Канавинский райком ВКП (б) Нижнего Новгорода, Грачев был его правой рукой – заведующим орготделом, затем – председателем райсовета. По образованию А.П.Грачев заметно уступал даже «пропагандистам» Столяру и Берману: оно ограничивалось лишь начальной железнодорожной школой и тульскими вечерними курсами партактива. Опыт работы в лучшую сторону тоже не отличался: в послужном списке Грачева преобладали в основном партийные, реже – советские и профсоюзные должности. Разумеется, ни по уровню образования, ни опыту работы Грачев не был подготовлен к высоким постам в Свердловске. Да он и сам это осознавал, и даже публично признавал, правда, не во время назначения, а гораздо позже, когда его начальник был лишен всех постов: «О моей работе. Я прямо должен сказать, для меня понятна основа основ, причиной провала той работы, на которой я работал и в промышленном отделе, и в облисполкоме, является мой уровень развития. Заявляю, что не нежелание работать, желание работать у меня есть, энергии работать достаточно, но, вероятно, уровень развития таков, что порученная мне работа оказывалась и оказалась абсолютно не по плечу» [8, д.12, л.103–104; 15, с.105–106]. Грачев признавал, что ранее руководил городским хозяйством Кирова – относительно небольшого по масштабам города. Переход на руководство промышленным отделом обкома в области, промышленности которой, по его выражению, он ранее в глаза не видел, дался ему нелегко. Согласие работать председателем облисполкома Грачев впоследствии также считал своей ошибкой: «Это оказался промах мой, и я должен заявить, что в сельском хозяйстве я не разбираюсь, я им не руководил, да и не мог руководить». Облисполкомовские бумаги по сельскохозяйственным вопросам, которые приносили ему на подпись, он, по его словам, «просто штамповал», то есть подписывал, не вникая в суть документа. На докладе в правительстве (март 1938 г.) председатель облисполкома признавался, что не понимает значения тех сельскохозяйственных терминов, которые был вынужден произносить. Однако когда Грачев увидел решение Политбюро ЦК о своем утверждении председателем облисполкома, то все сомнения насчет собственного профессионализма решительно отбросил: «Через день пришло решение ЦК, вскружило голову мне, и думаю, что, может

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

А.П.Грачев

быть, я свои силы недооцениваю, видят люди, кого выдвигают». Столяра же некомпетентность Грачева волновала мало, ему было важно посадить преданного человека. И, нужно признать, первый секретарь обкома в нем не ошибся: Грачев верой и правдой служил своему покровителю, сохраняя преданность даже тогда, когда над тем сгустились тучи [8, д.12, л.56, 105–106, 122].

Весьма важное кресло второго секретаря Свердловского горкома ВКП (б), заместителя Столяра по «столичному» горкому партии, с мая 1937 г. занимал человек не из его команды, а ставленник Москвы Евгений Акимович Шокин. Он фактически и возглавлял Свердловский горком, так как первый секретарь обкома и горкома А.Я.Столяр в основном

был сосредоточен на руководстве областными властными структурами. Дополнительный вес в руководстве области Е.А.Шокину придавал статус члена бюро Свердловского обкома партии. Шокин был самостоятельной фигурой в свердловских коридорах власти, в рот Столяру не смотрел и даже решительно поддерживал начальника Управления НКВД по Свердловской области Дмитрия Матвеевича Дмитриева в его попытках свергнуть подозреваемого в троцкизме Б.З.Бермана. Конечно, Столяр не желал мириться с присутствием в своей команде такого партийного чиновника, как Шокин. Абрам Яковлевич приставил к нему в соглядатаи своего технического секретаря Жуйкова и использовал любую возможность, чтобы «навесить» на Шокина политические ошибки [8, д.12, л.55–56, 131, 133–134, 138; 4, д.34, л.137–143].

Когда строптивного Шокина удалось убрать из Свердловска, то вместо него на руководство горкомом Столяр продвинул своего помощника по обкому Александра Сергеевича Морозова. Причем при воцарении столяровского помощника в областной столице был разыгран тот же сценарий, что и с Берманом в обкоме. Морозов решением бюро обкома от 5 февраля 1938 г. был «рекомендован» третьим секретарем Свердловского горкома партии и незамедлительно, не дожидаясь решения пленума горкома, приступил к исполнению новых должностных обя-

занностей. Но, так как после отзыва Шокина в Москву его место оставалось вакантным, Морозов в горкоме фактически заправлял всеми делами, вел заседания горкомовского бюро [8, д.21, л.71 об.; 8, д.10, л.278; 8, д.12, л.144–147].

Имел ли Морозов соответствующую подготовку, достаточный опыт для того, чтобы возглавить крупный промышленный центр с весьма сложным и проблемным городским хозяйством? Уже простое перечисление должностей из послужного списка 32-летнего партийца свидетельствует, что это был очередной профессиональный пропагандист. Вот те должности, которые он занимал, начиная с 1925 г.:

- зам. заведующего агитационно-пропагандистским отделом в Семеновском уезде и Балахнинском райкоме ВКП (б) Нижегородской губ.;
- зав. сектором политобразования в Нижегородском губкоме ВЛКСМ;
- зав. учебной частью совпартшколы в Арзамасе;
- руководитель пропагандистской группы, затем – председатель методического бюро культпропа в Нижегородском крайкоме партии;
- студент Института марксизма-ленинизма в Нижнем Новгороде (Горьком);
- заместитель начальника, а затем начальник политотдела МТС в Арзамасе.

После чего, с декабря 1934 г., работал помощником первого секретаря Кировского крайкома А.Я.Столяра. Непосредственно с промышленным производством Морозов соприкасался лишь в молодости, когда 17-летним юношей 10 месяцев проработал табельщиком в котельно-кузнечном цехе Кулебакского завода [6, д.1131, л.4 об., 7 об.].

Профпригодность не только ответственных работников, но даже некоторых представителей из обслуживающего персонала, привезенного Столяром в Свердловск, вызвала немалые сомнения: не все оказались готовы исполнять возложенные на них обязанности. Кировские шоферы, к примеру, не имели навыков вождения лимузина ЗиС-101, стоявшего в обкомовском гараже. Столяр тем не менее не считал возможным доверить перевозку своей персоны местным свердловским шоферам и дал месяц на переобучение кировских. Заведующим гаражом тоже назначил своего [8, д.2, л.189–190].

Абрам Яковлевич положил немало сил на трудоустройство в Свердловске «своих людей», некоторые кадровые решения дались ему с не-

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

малым трудом. Как в случае с Л.А.Цехером – бывшим заведующим Горьковским краевым отделом народного образования. В последнее время Лев Абрамович трудился в Наркомате просвещения РСФСР в качестве начальника управления средних школ. Столяр пообещал Цехеру в Свердловске должность зав. отделом школ и науки в обкоме партии и заручился его согласием. Заминка вышла на областной партконференции в июне 1937-го. При выборах в состав членов обкома, когда формировался список для тайного голосования, Цехер честно заявил, что до вступления в партию большевиков чуть менее года состоял в партии меньшевиков-интернационалистов. На Цехера накинута с вопросами: «Сколько времени были в меньшевиках?», «В октябрьские дни какое участие принимали в борьбе против большевиков?», «Есть ли родственники за границей?», «Кто ваши братья?»

Лев Абрамович отбивался как мог, уверял делегатов, что в партии меньшевиков был лишь год, оказался там случайно, никакую активную работу не проводил, т.к. учился в это время в институте, а позже перешел в большевистскую партию и «всегда боролся за генеральную линию». Остудить пыл делегатов попытался Б.З.Берман, сославшись на высшие инстанции, заметив, что Цехер приехал в Свердловск «по специальному заданию ЦК» и отдел школ ЦК дал санкцию на его назначение в обком ВКП (б).

Попытка тем не менее успехом не увенчалась: с места под одобряющие возгласы прозвучало предложение отвести Цехера из списка для голосования. Начинать в такой ситуации процедуру открытого голосования о включении в список означало бы «похоронить» кандидатуру. Подобный сценарий в планы областного начальства не входил. Видя настроение зала, председательствующий Берман вновь заговорил в защиту Цехера, охарактеризовал его как «активного партийного товарища», твердо высказал мнение о целесообразности оставить в списках. Это уже походило на давление. Но очередной вопрос из зала – «Когда вы были меньшевиком, вы занимали маленькие или большие посты?» – вновь вынудил Цехера оправдываться.

Тогда в бой двинулась «тяжелая артиллерия». «Товарищи, человек был интернационалистом, – заявил первый секретарь обкома Столяр. – Организация меньшевистская, но организация все-таки в тот момент отличная от оборонцев». С места не согласились: «Враждебная». «Враждебная, – согласился Столяр и тут же парировал, – но вы должны знать, что в момент взятия власти они занимали несколько особую позицию и у нас в партии немало людей, которые были прежде в другой пар-

тии. Счастье наше, что мы не были, были большевиками все время, но есть люди, которые совершили ошибку, состояли не в той партии, не разобрались в первый момент. Проходили чистку, их оставили в партии. Это не мотив для отвода в комитет. Они пользуются правом и могут быть избранными».

Вот теперь, не дав разгореться новой дискуссии, председательствующий Берман поставил вопрос о Цехере на голосование. За оставление в списке подняли руки большинство – 234 человека, послушаться первого секретаря обкома не побоялись только 77 делегатов [4, д.5, л.48–52]. Столяру удалось, таким образом, продавить еще одного «своего» в областное руководство.

Другие приехавшие со Столяром начальники без важных постов тоже не остались. В.И.Шиходыров получил место заместителя председателя Свердловского облисполкома и был введен в президиум облисполкома. Д.И.Самарин был назначен председателем Свердловского облпотребсоюза. На «теплое» место заведующего домом отдыха посадили некоего Рысакова [8, д.12, л.82, 130–131; 5, д.7, л.284].

Здесь нужно оговориться, что перемещение работников на Урал должно было происходить с санкции ЦК ВКП (б). Однако, как позже выяснилось, А.Я.Столяр переводил в Свердловск и трудоустраивал нужные ему кадры, не ставя в известность соответствующие отделы ЦК ВКП (б) и не оформляя их перевод должным образом. О санкции отдела школ ЦК на перевод в Свердловск Л.А.Цехера, к примеру, Б.З.Берман откровенно лгал. Областная конференция, где Цехер избирался в состав обкома, проходила в июне, а командировочное удостоверение, согласно которому Цехер направлялся в распоряжение Свердловского обкома ВКП (б), было оформлено лишь 7 сентября, и прибыть к месту работы он должен был до 13 сентября 1937 г. На самом же деле он к тому времени уже почти 3 месяца возглавлял отдел школ и науки обкома [3, д.33, л.21; 6, д.1875, л.2].

Кого-то из своих бывших сослуживцев А.Я.Столяру даже не пришлось перевозить на Урал. Уже по прибытии в Свердловск Столяр встретился со своим старым знакомым по Нижнему Новгороду Петром Александровичем Львовым, с которым когда-то вместе работал в редакции главной региональной газеты *Нижегородская коммуна*, где Столяр был ответственным редактором, а Львов – ответственным секретарем. Затем Столяр руководил агитпропом в крайкоме, после стал секретарем крайкома, а Львов в это же самое время возглавлял редакции других партийных изданий в Нижнем Новгороде и одновременно яв-

лялся корреспондентом *Правды*. Иначе говоря, под патронажем Столяра карьера Львова успешно развивалась. Однако затем цеховские кадровики перебросили Львова на Урал, где он уже не был столь успешен (по всей видимости, не пришелся ко двору И.Д.Кабакова), и вскоре оказался вне хорошо знакомой ему партийно-идеологической системы. Ко времени прибытия Столяра в Свердловск Львов трудился на неприметной должности зав. Свердловской областной конторой коммунснаба. Абрам Яковлевич позаботился о более достойном месте для бывшего сослуживца: в июле 1937 г. Львов занял кабинет начальника комитета искусств при Свердловском облисполкоме [7, д.1298, л.13–14; 8, д.10, л.272; 9, д.1572, л.5, 16, 29; 15, с.29].

Расстановка прочих руководящих кадров в области, осуществлявшаяся столяровским руководством, также выглядела весьма сомнительной с точки зрения эффективности. «Я работаю в сельскохозяйственном районе, – заявлял на пленуме обкома первый секретарь Краснополянского райкома партии А.Г.Залесский. – С сельским хозяйством я не знаком и не знал его, потому что я – промышленник. Послали меня в сельское хозяйство. Хорошо, я – большевик, я – коммунист, я должен овладеть этим делом. Но помощь нужна». Однако ни материально-технической, ни организационно-партийной помощи, наставлений о специфике руководства сельскохозяйственным районом от областного начальства он так и не дождался [8, д.12, л.30–31].

Кадровые решения порой принимались с грубыми нарушениями. Так, к примеру, замзавотделом руководящих парторганов обкома В.П.Лескова подготовила проект решения бюро обкома об освобождении от работы второго секретаря одного из райкомов партии Агеева и доложила Берману, что тот «засидевшийся старый работник». Б.З.Берман «подмахнул» постановление, после чего оно было внесено в протокол заседания бюро обкома ВКП (б). Иначе говоря, было оформлено как решение, принятое коллегиально на заседании бюро обкома партии либо опросом членов бюро [8, д.12, л.59].

«...Если выступаешь с критикой, тебя в отпуск отпустят, а из отпуска не возвратишься»

облисполкоме – нигде, – говорил на пленуме обкома в апреле 1938 г. первый секретарь Пермского горкома ВКП (б) С.М.Клюев. – Все вопро-

Стиль руководства А.Я.Столяра если и отличался от стиля предшественника – И.Д.Кабакова, то немногим. «Столяр – это всё! Никто никаких вопросов не решал: ни в обкоме, ни в

сы, все решения вопросов зависели от Столяра, как он скажет. Независимо от того, правильно или неправильно. Даже не в решениях, не путем коллегиального решения, а просто на ходу: Столяр сказал, так и будет».

Рассказал Ключев на пленуме и такой случай из своего опыта общения с первым секретарем обкома. Во время выборов в Верховный Совет СССР 1937 г. Ключев позвонил по телефону Столяру и просил его разъяснить следующее. Как рассматривать бюллетень, где фамилия кандидата не зачеркнута, а рядом вписана другая фамилия, считать такой бюллетень действительным или недействительным? Выслушав разъяснения Столяра, пермский секретарь усомнился в правильности ответа и принялся задавать уточняющие вопросы. На что услышал в телефонной трубке приблизительно следующее: «Ключев, у тебя очень мало большевистской скромности. Ты очень нескромен. Что тебе говорят, так ты и должен делать» [8, д.12, л.18–19].

«К первому секретарю меня не тянуло, потому что он держал себя слишком высоко, великодержавным вельможей», – вторил Ключеву первый секретарь Нижнетагильского горкома ВКП (б) В.Ф.Канавцев. Тагильский секретарь рассказал о своих пререканиях со Столяром по поводу того, как с хозяйственной точки зрения целесообразно провести границы районов внутри Нижнего Тагила. Мнение тагильчан Столяра интересовало мало, ему с «областной колокольни» было виднее. Над аргументацией Столяр долго не размышлял: «Не понимаешь ты ничего, – говорит он. – Раз говорят тебе, должен чувствовать указание секретаря». «Руки по швам, и всё!» – сделал Канавцев для себя вывод из разговора с первым секретарем обкома [8, д.11, л.36; 8, д.12, л.41].

Столяр с трибуны областной конференции в июне 1937 г. призывал развивать критику и самокритику в парторганизациях, прежнему областному руководству предъявил обвинение в том, что оно «...стремилось всячески снизить, задушить, задавить, зажать самокритику». Абрам Яковлевич говорил делегатам: «В партийных организациях члены партии, кандидаты стремятся всемерно поднять критику, зная ее значение для партийной работы, а сверху руководство пытается усыпить бдительность, задушить критику, а для этого развивают семейственность, угодничество, подхалимство и всякие прочие истории...» [4, д.2, л.88].

Тем не менее как только второй секретарь Свердловского горкома Е.А.Шокин на пленуме обкома в конце 1937 г. покритиковал обкомовское и облисполкомовское начальство, то тут же получил решительный отпор от Столяра. Если говорить о сути выступления Шокина, то ничего крамольного обкому и его первому секретарю он не предъявил. Первое,

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

Е.А.Шокин

на что Шокин обратил внимание, – это недостатки в организации прошедших выборов в Верховный Совет СССР. Такие как затягивание с организацией участковых избирательных комиссий и с началом проведения предвыборных собраний трудящихся; задержка с печатью избирательных списков и биографий кандидатов в депутаты и, как следствие, аврал в работе, спешка и путаница. Правда, выступал Шокин весьма эмоционально, его суждения отличались конкретикой и категоричностью, что волей-неволей усиливало критическую составляющую его выступления. К примеру, вот как Шокин преподнес задержку с составлением избирательных списков: «Здесь также обком партии допустил крупную ошибку, запрещая до 10 сентября печатать избирательные списки. Что такое запретить печатание

списков раньше? А после, когда вплотную приступили к составлению, получился аврал, путаница и началась форменная свистопляска. А что Москва сделала? Она весь октябрь составляла и печатала, 3 ноября сообщила по всей Москве списки. То же самое было и по Ленинграду. Зачем нужно было подписывать такую телеграмму? Что она, исходила из указаний инструкции о выборах? Нет. Она исходила из указаний центральных организаций? Нет. Просто – местное творчество. Видите ли, переселение может произойти большое».

Кроме того, Шокин поставил в вину бюро обкома пренебрежение хозяйственными проблемами во время избирательной кампании и этим объяснил невыполнение областью плана хлебозаготовок. Досталось и ведомству А.П.Грачева – Свердловскому облисполкому: Шокин «проехался» по столяровскому ставленнику В.И.Шиходырову⁴ и по заведующим отделами облисполкома, которые тоже, как и Шиходыров, отказывались «решать острые вопросы»; указал на кадровую неуккомплектованность советского

⁴ Обвинил его в нежелании решать хозяйственно-финансовые проблемы подведомственной ему местной кондитерской фабрики, вызывавшие перебои в ее работе.

аппарата и т.д. Столяр, Берман и Грачев пытались перебивать выступавшего репликами и уточняющими вопросами, но тот твердо стоял на своем, ссылаясь на публикации в *Правде* [4, д.34, л.64–73].

Персональной критики в адрес А.Я.Столяра Шокин себе не позволил и, даже напротив, старался на него ссылаться как на авторитет: «Товарищ Столяр совершенно правильно говорил...», «и тут правильно товарищ Столяр говорил...». Тем не менее от «возмездия» это его не спасло.

Расплата не заставила себя долго ждать, практически целиком свое заключительное слово А.Я.Столяр посвятил разбору «неправильных положений» и «ошибок» в выступлении Шокина. В ответ на содержательное выступление Шокина Столяр пустился в многословные демагогические рассуждения, из которых не всегда была ясна сущность этих самых ошибок, а было лишь очевидно, что хозяин области страшно недоволен выступлением своего зама по горкому. Наибольшее раздражение Столяра, судя по его выступлению, вызвало заявление Шокина об уходе бюро обкома от решения «острых вопросов» и пример с зампреда обкома Шиходыровым. Чтобы доказать «очередную неправоту» секретаря горкома, Столяр пошел на грубое искажение смысла, который Шокин вкладывал в выражение «острые вопросы». Если Шокин имел в виду вопросы хозяйственные и достаточно долго о них говорил, местами называя их острыми, то Столяр под «острыми вопросами» понимал (точнее – желал понимать в данном конкретном случае) борьбу с «врагами народа». Перепутать смысл высказываний Шокина было невозможно, так как, повторим, Шокин достаточно длительное время говорил именно о вопросах хозяйственных, не упоминая «врагов народа» и никак на них не намекая. Но Столяру удалось даже здесь «опровергнуть» высказывания ненавистного второго секретаря горкома. Он не пожалел времени на тщательное разъяснение присутствующим, что ни Шокин, ни кто-либо другой не сможет привести ни одного факта, «где бы рука и воля у бюро обкома дрогнула», когда нужно было «бить и разгромить врага». В.И.Шиходырова тоже попытался выгородить, указав, что пример с ним в контексте «острых вопросов» неудачен: «Правда, пример он взял с Шиходыровым. Шиходыров – не обком и даже не бюро. Работник, может быть, не решил вопроса. Если такие случаи были, он (Шокин. – А.С.) имеет основание ставить такой вопрос на бюро. Мы разберем. Это можно и следует о таких недостатках говорить на пленуме» [4, д.34, л.66, 71, 137–143].

Стало быть, по Столяру выходило, что если на уровне Шиходырова, а значит – облисполкома, по какой-то причине не разрешался вопрос с перебоями в работе местной кондитерской фабрики, то Шокину следовало

вынести этот вопрос на рассмотрение бюро обкома. Иначе говоря, когда перед областными властями стояли сложнейшие проблемы со строительством и эксплуатацией заводов-гигантов союзного значения, с энергообеспечением уральской промышленности, Столяр как руководитель бюро обкома выражал готовность вплотную заняться проблемами местной кондитерской фабрики. И все это для того, чтобы прикрыть недостатки в работе одного из своих выдвиженцев.

Е.А.Шокин таким выдвиженцем не являлся. В скором времени, 10 февраля, он отправился в отпуск в Москву «по семейным обстоятельствам», а из отпуска обратно в Свердловск уже не вернулся, был отозван в распоряжение ЦК ВКП (б). Шокин просто исчез из поля зрения региональной партноменклатуры, никаких разъяснений местные партийные секретари не получили. Они лишь явились свидетелями критического выступления Шокина на пленуме обкома и последовавшей негативной реакции со стороны Столяра. Из случившегося свердловская партноменклатура сделала для себя однозначный вывод: критиковать главных областных начальников небезопасно. «Если выступаешь с критикой, тебя в отпуск отпустят, а из отпуска не возвратишься», – говорил на пленуме обкома упоминавшийся выше пермский секретарь С.М.Клюев. «Всякая критика, которая отчасти была наведена на бюро обкома или на отдельных лиц, она сразу одергивалась известными репликами, и человек прекращал свои разговоры и переключался на другое», – вторил ему член обкома ВКП (б) из Лысьвы Н.И.Горбунов [8, д.21, л.69; 8, д.12, л.20, 24, 121].

Своих приближенных первый секретарь обкома «в обиду» не давал, пыл слишком рьяных критиков старался остудить. В частности, как только его ставленник, секретарь Свердловского горкома партии А.С.Морозов, стал подвергаться критике снизу, Столяр среагировал незамедлительно. В приватной беседе с одним из морозовских критиков – первым секретарем Ежовского райкома Свердловска Н.П.Сулицким – Столяр напомнил, что бывший первый секретарь Кагановичского райкома и бывший начальник Сулицкого И.А.Иванов, объявленный врагом народа, тоже в свое время пытался противопоставить райком горкому. Столяр «порекомендовал» Сулицкому побольше советоваться, «ближе быть к горкому партии» и отметил, что Морозов умный парень, но еще молодой работник [8, д.12, л.144–147].

Было бы удивительно, если бы А.Я.Столяр повел себя в Свердловске иначе и в одночасье сумел перестроиться в соответствии со сталинскими требованиями. Ведь ранее в Кирове он был окружен такими же подхалимами, как и его свердловский предшественник И.Д.Кабаков. Столяра про-

возгласили «вождем кировских большевиков», на парадах его портрет несли рядом с портретом И.В.Сталина [8, д.12, л.129].

Нужно отметить, что демонстративное подхалимство и угодничество перед областным начальством на областных пленумах и партконференциях осталось в прошлом. Тем не менее на вершине власти Столяр требовал беспрекословного подчинения и одобрения всех своих действий. Не зря же он перетасил в Свердловск своих приближенных и назначил их на высокие места в руководстве области и города. Едва первый секретарь обкома успевал озвучить ту или иную свою мысль, как она тут же получала одобрение со стороны «кировской группы». Не только принципиальные, но даже простые вопросы, касающиеся организационно-партийной работы, без согласования со Столяром не решались [8, д.11, л.18, 48, 59; 8, д.12, л.56, 82, 111].

Не только Столяр, который после назначения и переезда в Свердловск какое-то время имел гарантию неприкосновенности, но даже районные и городские секретари – ставленники Кабакова, после ареста «уральского вождя» и его ближайшего окружения, не спешили менять прежние кабаковские порядки.

**«Везде,
где только сидели,
там и воровали»**

Аресты областных начальников весной 1937 г. не потревожили безмятежности большинства чиновников среднего и низового уровней. Во многом тому способствовал новый пер-

вый секретарь обкома. С трибуны городской партконференции в Свердловске, проходившей двумя неделями ранее областной – в конце мая, Столяр произнес весьма важные слова, которые вождемела услышать местная партноменклатура: «В условиях свердловской организации [ВКП (б)], где особо тяжело было дело, мы можем сказать, что основная масса коммунистов, выбранных в первичные парторганизации и в пленумы, является здоровой, и преданными партии большевиками, *и только в отдельных местах* (курсив мой. – А.С.), там, где особо крепко зажало прежнее руководство обкома и горкома – враги, сидевшие во главе этого руководства, – там удалось провести людей, непригодных для руководства» [10, д.104, л.222].

Делегаты могли с облегчением выдохнуть. И не менять сложившиеся за долгие годы привычки. На городской конференции все было как обычно: в перерывах делегаты позволяли себе опрокинуть стакан – другой пива и либо могли отправиться заседать дальше, либо не утруждать себя столь

скучным занятием, а продолжить расслабляться в фойе и, к примеру, сразиться с коллегами в шахматы [10, д.104, л.317, 330].

Приехав в Свердловск в июне 1937-го на областную партконференцию, некоторые делегаты были неприятно удивлены, что традиционного разлива пива для них не будет. Один из секретарей по этому поводу счел нужным высказать новому руководству свое неудовольствие: «Пиво не даете, не с того начали!»

На том неприятности для участников областного партийного форума не закончились: в Свердловске их поджидало еще одно нововведение. По давно уже сложившейся традиции, многие делегаты прихватили с собой в поездку в областной центр жен, детей и родственников, словно на увеселительную экскурсию. И... получили отказ в предоставлении бесплатных квартир и отдельных гостиничных номеров с питанием. Некоторые были возмущены таким «беспределом» со стороны областных властей: «Почему вместе с делегацией поселили? Мне нужен отдельный номер!» И требовали выдать бесплатные талоны на питание для приехавших с ними жен [4, д.2, л.91–92, 129].

В ходе конференции делегаты не замедлили проявить уровень своей дисциплинированности. Около четверти делегатов с правом решающего голоса не считали нужным посещать заседания. Демонстративно игнорировали заседания те, кого в ходе обсуждения кандидатур в состав пленума обкома отвели из списка для голосования. Делегата конференции, секретаря Ирбитского райкома ВКП (б) А.Ф.Кобелева, мандатная комиссия трижды пыталась вызвать на свое заседание и всякий раз безуспешно: товарищ Кобелев в это время пьянствовал на квартире у одного из работников аппарата обкома. А когда, наконец, предстал перед мандатной комиссией, то принялся сочинять, что якобы ездил в Ирбит за какими-то документами [4, д.1, л.65; 4, д.5, л.63, 149–150].

На областной партконференции делегаты как только не называли Кабакова⁵, призывали выкорчевывать остатки «кабаковщины». А вот в реальности избавиться от нее оказалось не так-то просто.

Несмотря на самоубийство К.Ф.Пшеницына, работавшего при Кабакове вторым секретарем обкома, и объявление его врагом народа, секретари райкомов и горкомов требовали от областных властей исполнения данного

⁵ «Трижды проклятый», «злейший», «отъявленный враг», «матерый бандит», «предатель», «шпион», «диверсант», «контрреволюционная сволочь», «мразь», «звериная морда», «развратная и грязная проститутка», и т.д. и т.п. [4, д.3, л.165; 4, д.4, л.20, 35, 38, 44–45, 49, 54, 57; 4, д.5, л.127, 204].

им когда-то обещания. Дело в том, что на одном из совещаний в обкоме Пшеницын пообещал каждому секретарю подарить немецкий фотоаппарат "Leica", охотничье ружье и патефон. По произведенным подсчетам, подарок «тянул» в общей сложности на немалую для тех времен сумму – 300 тыс. руб. Изъять деньги предполагалось из выделяемых Москвой средств для системы партийного просвещения – курсов переподготовки партработников. Начавшиеся аресты в областной властной верхушке отнюдь не умерили аппетиты местных секретарей. Секретари не унимались и подавали в обком прошения: «Когда вы выполните обещания о выдаче охотничьего ружья, "лейки" и патефона?» Прибывший в Свердловск московский ревизор – инструктор управления делами ЦК ВКП (б) – «советовал» новому бюро обкома не идти на поводу у просителей [4, д.2, л.129]. Впрочем, и просителей вскоре не стало: местные секретари практически полным составом были арестованы органами НКВД.

Никак не могло перестроиться на строгий учет денежных средств спецуправление Свердловского облздравотдела. Уже после ареста Кабакова и предыдущего начальника спецуправления Кожевникова новый начальник Орангузеев выдал по «чьему-то телефонному звонку», якобы из обкома, на руки бывшему кабаковскому помощнику Сагалову пособие в размере 2 тыс. руб. А когда начались выяснения, заявил, что не помнит, кто именно ему позвонил [4, д.2, л.131].

Работники обкомовского аппарата в кулуарах не стеснялись в оценках новых порядков: кабаковское руководство было добрее, а нынешнее «зажимает» [4, д.2, л.126].

«Скупость» А.Я.Столяра объяснялась не исключительно цековскими установками. Хозяйство, оставшееся после Кабакова, пребывало не в лучшем состоянии. Дело доходило до анекдотических ситуаций, о которых Столяр сам поведал на областной партконференции. Как-то раз новый первый секретарь обкома вскоре после восшествия на «свердловский престол» решил связаться по телефону с одним из районов области, но на коммутаторе получил отказ в соединении. «Почему?» – в недоумении спросил новый хозяин области телефониста. – «Потому что обком выключен, деньги не платит», – услышал он в ответ. В другой раз Столяр решил позвонить прокурору области Густаву Ивановичу Лейману, но его отказались соединить и объяснили, что служебный телефон прокурора отключен за неуплату. В плачевном состоянии пребывало даже обкомовское автохозяйство: два десятка автомобилей, числившихся за обкомом, из-за плохого технического обслуживания находились на грани развала [4, д.2, л.91, 134–135].

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

Столяровское руководство за год сумело сэкономить на зарплате для партаппарата около 700 тыс. руб. Сделать это удалось за счет многочисленных вакансий. Речь не шла исключительно об отсутствии кандидатур на те или иные должности, хотя и этот фактор в условиях масштабных кадровых чисток нельзя полностью сбрасывать со счетов. В промышленном отделе обкома, например, обязанности завотделом несколько месяцев исполнял один из инструкторов, оставаясь при этом на инструкторской зарплате. Когда новый заведующий культпросветотделом обкома приступил к исполнению своих обязанностей, то не обнаружил ни одного инструктора в отделе: «В течение девяти месяцев отдел выключен из работы». Такие обкомовские отделы, как руководящих парторганов, промышленный, сельскохозяйственный и пропаганды, тоже не были укомплектованы полностью. В горкомах и райкомах складывалась та же картина. Полсотни тысяч рублей удалось сэкономить обкому на зарплатах для освобожденных секретарей первичных партийных организаций. Иначе говоря, секретарские обязанности в этих первичках исполняли местные партийцы в качестве дополнительной, неоплачиваемой общественной нагрузки⁶.

Однако на себе руководство области экономить не собиралось. Один только переезд приближенных Столяра в Свердловск обошелся обкому в кругленькую сумму. Документы, подтверждающие реальные расходы на переезд, обком с переезжающими не затребовал, расходы оплачивались в том размере, который считали нужным заявить сами переезжающие [8, д.1, л.160].

Более 80 тыс. руб. составил перерасход средств, выделенных по статье «специальные расходы». Суммы, направляемые ЦК ВКП (б) на эти цели, были немалыми, но и тех категорически не хватало. Среди прочего на спецрасходы были списаны средства, затраченные на обстановку в квартире первого секретаря обкома. Казенная мебель, установленная в его квартире, не устроила новых хозяев. Прежде всего, А.Я.Столяру не пришелся по вкусу цвет двух варшавских кроватей, стоимостью по 700 руб. каждая. По его распоряжению на новую отделку кроватей было израсходовано 1,5 тыс. руб. партийных средств. Следом на обкомовские деньги для квартиры Столяра были закуплены гарнитуры мягкой мебели, еще 4 больших кровати, детские кроватки и лампы, что в общей сложности потянуло на 6 400 руб. [8, д.1, л.161–162].

⁶ К примеру, в парткоме Надеждинского завода не было ни освобожденного секретаря, ни пропагандиста [8, д.1, л.158, 203; 8, д.2, л.206; 8, д.10, л.278; 8, д.12, л.86, 125, 131].

На областной конференции 15 июня 1937 г. А.Я.Столяр обвинял прежнее руководство во главе с Кабаковым в коррупции: «Воровство средств – я не брал примеры, потому что нет такого места, где бы эти мерзавцы не воровали деньги для своей организации и просто для кутежей и разгулов. Везде, где только сидели, там и воровали. Воры из них вышли квалифицированные, совершенно квалифицированные» [4, д.2, л.77].

Однако, как свидетельствуют документы, столяровское начальство в своем поведении старалось не отставать от предшественников.

Автохозяйство обкома и облисполкома главные областные начальники использовали для удовлетворения собственных нужд. Речь шла даже не о пользовании служебным автотранспортом в личных целях, а о получении незаконных доходов с автохозяйства. Средства на автохозяйство расходовались без должного учета, бывало, что одни и те же счета оплачивались дважды. Автомобили приобретались не на заводах и в специальных конторах, занимавшихся продажей автомобилей, а у различных посторонних организаций и у частных лиц с большой переплатой. Порой оформлялись фиктивные сделки на приобретение автомобилей, а в действительности за счет этих средств оплачивались расходы на покупку фруктов и других продуктов для А.Я.Стояра, лимонов и вина для Б.З.Бермана [8, д.1, л.163–164].

Привлекались и другие источники личных доходов. Сумма в размере 42 тыс. руб., оставшаяся неизрасходованной на санаторно-курортное лечение партийных работников в 1937 г., областная верхушка поделила между собой [8, д.1, л.161].

По статье «особые расходы» проходило содержание буфета в обкоме ВКП (б). Ревизионная комиссия, проверявшая расходы партийных средств, ожидала увидеть среди меню этого буфета чай, бутерброды с маслом, колбасой или сыром. Однако она обнаружила там еще и дорогостоящие деликатесы, такие как шоколад, конфеты «Мишка», мандарины и апельсины, черную икру двух разновидностей – паюсную и зернистую. Кроме них, в буфете были представлены пользовавшиеся большой популярностью среди обкомовского начальства дорогостоящие папиросы, а не дешевый «Беломорканал». И на всё тратились тысячи рублей из партийной казны: на шоколадные конфеты – 3 тыс., на папиросы – 2 тыс., мандарины и апельсины – 5 тыс., икру – 2 тыс. По всей вероятности, этот ассортимент был доступен далеко не каждому обкомовскому работнику, так как ревизионная комиссия попыталась выяснить, «...кто же, в конце концов, это брал, куда все это шло?» Однако сделать это не удалось ввиду того, что бухгалтерия оказалась чрезвычайно запутанной. «Я думаю, не только

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

ревизионная комиссия, а самый замечательный работник ничего не поймет здесь, так всё это запутано», – докладывал председатель этой комиссии П.А.Галафеев на областной конференции в июне 1938 г. Удалось установить лишь сумму, которая была потрачена на питание для обкомовского начальства – свыше 100 тыс. руб. [8, д.1, л.164–165].

Здесь для сравнения уместно привести свидетельства о продовольственном снабжении в городах в это время. Вот как обстояли дела, например, в Лысьве, о чем рассказал один из участников пленума обкома в апреле 1938 г.: «Сейчас остановлюсь на вопросе снабжения. Мы видим: в городе Свердловске нет масла, перебои с колбасой. А что получается в районе? Нет мяса, нет колбасы, нет яиц, нет крупы, нет рыбы, и рабочий класс живет на одном хлебе и картошке. Если говорить, что молоко есть, то у нас молоко уходит тем, кто получает спецжиры, и молока не хватает. Рабочий класс вынужден жить на хлебе и картошке. Когда прислушиваешься к голосу масс, эти массы проявляют большое недовольство». «В магазинах у нас ничего нет, – подтверждал первый секретарь Ворошиловского горкома Зубаров. – Товарищ Локотков⁷ являлся свидетелем, когда был у нас последний раз на конференции, в том, что у нас творится. Мы не имеем ни масла, ни мяса. Если привезут колхозники мясо или масло, создается громадная очередь, причем цены недоступны для рабочих». Другой выступавший, представитель «столичной» парторганизации, секретарь парткома ВИЗа П.Н.Плотников развеял представления «провинциальных» секретарей, что в Свердловске, где располагались обком и облисполком, с продовольственным обеспечением было лучше, нежели в отдаленных от центра районах: «Тех продуктов, о которых здесь товарищи выступали и говорили, в самом Свердловске нет». И рассказал о страшных давках в очередях со смертельными случаями [8, д.12, л.25–26, 49–50, 68].

Да и собственно партийное хозяйство в области требовало значительных финансовых вложений, деньги было на что потратить. К примеру, далеко не всем районным партработникам были созданы хотя бы элементарные жилищные условия. В некоторых районах секретари райкомов и инструкторы за неимением жилья были вынуждены ночевать в тех же кабинетах, где работали днем [8, д.2, л.193; 8, д.11, л.9; 8, д.12, л.12, 167, 171].

По указанию из Москвы ревизионная комиссия обкома во второй половине 1937 г. проверяла финансовое хозяйство обкома и в ходе проверки выявила ряд грубых нарушений. Об этих нарушениях, а также о незакон-

⁷ Зав. отделом партийной пропаганды и агитации обкома.

ных расходах Столяра Центральный комитет ВКП (б) был проинформирован. Из Москвы поступила команда, чтобы доклад ревизионной комиссии был заслушан на заседании бюро Свердловского обкома партии. Однако Столяр цеховские указания проигнорировал, результаты ревизий на бюро обкома не обсуждались [8, д.1, л.158, 167, 169].

Тем не менее фатальным для Столяра и его команды стало игнорирование других цеховских установок.

«Таким решением Свердловский обком ВКП (б) неправильно ориентировал парторганизацию...»

В январе 1938 г. А.Я.Столяр участвовал в работе пленума ЦК ВКП (б), принявшем постановление «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-

бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». По возвращении в Свердловск Столяр в узком кругу выразил свое мнение, что решения январского пленума ЦК ВКП (б) мало касаются Свердловской области и речь может идти лишь о восстановлении 5–6 человек, исключенных из партии с формулировкой «как враги народа». На предложение начальника УНКВД Д.М.Дмитриева созвать специальный пленум обкома, Столяр со ссылкой на мнение ЦК ответил, что в этом нет необходимости. В личной беседе с Дмитриевым Столяр говорил, что в Москве к руководству области претензий не имеют и отзываются о его работе положительно [8, д.10, л.268–269].

20 января 1938 г. опросом было принято решение бюро Свердловского обкома ВКП (б), посвященное итогам только что завершившего свою работу пленума ЦК ВКП (б). На первый взгляд, Свердловск перед верховной властью «взял под козырек»: бюро обкома постановило принять решение пленума ЦК к руководству и исполнению, секретари горкомов и райкомов ВКП (б) обязывались проверить все ранее вынесенные решения об исключении из партии. Однако четвертый пункт постановления был сформулирован следующим образом: «Рассмотреть в феврале месяце на бюро обкома все дела на исключенных из партии в 1935–1936 гг. и в первом полугодии 1937 года» [8, д.21, л.6].

Свердловские власти тем самым самовольно установили очередность в рассмотрении решений об исключении из партии: вначале рассматривались исключения, когда у власти стоял И.Д.Кабаков, а исключения при А.Я.Столяре были отложены на неопределенное время. Решение бюро обкома давало четкую установку горкомам и райкомам, что все ошибки в исключениях из партии были допущены прежним кабаковским руково-

дством, а под руководством Столяра таких ошибок допущено не было [8, д.12, л.80].

Трудно сказать, чем руководствовался в своих действиях А.Я.Столяр. Возможно, что не хотел ударить в грязь лицом перед областью, уронить свой авторитет признанием ошибочности обкомовских решений об исключении из партии. По примеру того, как районное партийное начальство было всерьез обеспокоено тем обстоятельством, что признание подобных ошибок негативно отражается на их авторитете [8, д.10, л.36]. А падение авторитета руководителя – как районного партначальника, так и первого секретаря обкома – ставило под вопрос исполнение возложенных на него обязанностей, тем более в условиях внедренной Сталиным системы тайного голосования в состав партийных комитетов.

Не исключено также, что Столяр тем самым пытался обезопасить себя от обвинений в политических ошибках. Ведь масштабы исключений из партии, произведенных в Свердловской области в период его руководства, были немалыми. По данным, которые в марте 1938-го озвучил на пленуме обкома заведующий отделом руководящих парторганов А.Абуш-Ахметов, за второе полугодие 1937 г. и начало 1938 г., т.е. при руководстве А.Я.Столяра, по области было исключено из партии 3 115 человек, или почти 80 % от всех исключенных, начиная с января 1937 г. (3 960 чел.). Столяровское руководство специально нацеливало секретарей горкомов и райкомов на выявление среди партийцев «врагов народа» и результаты их работы оценивало по количеству «врагов», исключенных из партии: чем больше, тем лучше. «Мы исключали по всякому поводу и без повода, – говорил на областной партконференции в июне 1938 г. первый секретарь Лысьвенского горкома ВКП (б) М.М.Русанов. – Потому что когда нас направляло на работу бывшее (при А.Я.Столяре. – А.С.) вражеское руководство для работы, нам говорили, что мы будем расценивать вашу работу по тому, сколько вы врагов народа изобьете, то есть по количеству» исключенных из партии врагов народа, «а не по качеству и содержанию работы. И у нас кое у кого создалось впечатление, что сотню изобьешь – мало, надо две, чтобы получить достаточную оценку работы» [8, д.1, л.240; 8, д.10, л.299, 302].

Заместитель заведующего ОРПО обкома В.П.Лескова обзванивала горкомы и райкомы и спрашивала, сколько человек исключили из партии. «Если мы скажем, что исключили мало, то нам – в нос: что, мол, вы за руководители, и так далее», – говорил на пленуме обкома первый секретарь Надеждинского горкома Н.С.Черемхин [8, д.12, л.95].

После решений январского пленума ЦК получалось так, что обкомовские установки, указания Столяра о выявлении все новых и новых «врагов народа» среди членов партии являлись ошибочными. Эти ошибки теперь могли обрести политический окрас и, в конечном счете, иметь негативные последствия, по крайней мере, для карьеры А.Я.Столяра. Перед глазами Столяра стоял пример с П.П.Постышевым, который за чрезмерно усердную борьбу с «врагами народа» был сначала снят с поста первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП (б), а следом, на том же январском пленуме ЦК, был подвергнут сокрушительной критике и выведен из состава кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП (б) [14, с.159–167]. Поэтому у Столяра имелись веские основания для того, чтобы попытаться дезавуировать решения пленума ЦК.

Во многих районах решение бюро Свердловского обкома ВКП (б) от 20 января приняли к руководству. Секретари Оханского, Ординского и Полевского райкомов ВКП (б) ориентировали свои районные парторганизации таким образом, что ошибки при исключении из партии допускались исключительно в период кабаковского руководства. Оханское районное партсоборание даже зафиксировало сей вывод в своем решении: «исключение из партии за последние пять месяцев проведено в основном правильно» [8, д.10, л.6, 30].

Ослушаться решились немногие. Известно лишь об одном таком смельчаке среди секретарей райкомов, кто без санкции областного начальства принялся за разбор «дел» об исключении из партии последнего времени. Это был первый секретарь Алапаевского райкома ВКП (б) К.А.Сабуров. Узнав об этом, Столяр впервые со времени своего воцарения специально позвонил в Алапаевск и потребовал от местного секретаря объяснений. Сабуров ответил, что сначала хочет исправить свои ошибки в соответствии с решениями январского пленума, а уже затем приниматься за первую половину 1937 г. Столяр был раздражен самостоятельностью алапаевского секретаря: «Ты дальше своего носа ни черта не видишь» [8, д.12, л.45].

О столяровской интерпретации решений январского пленума ЦК ВКП (б) стало известно в Москве. Вполне вероятно, что руку к тому приложил начальник УНКВД, член бюро обкома Д.М.Дмитриев. Последний не скрывал на пленуме обкома в апреле 1938-го, что регулярно информировал московские инстанции о событиях и происшествиях в свердловских властных коридорах. У Дмитриева со Столяром чуть ли не с самого начала совместной работы сложились напряженные взаимоотношения. Еще в сентябре 1937 г. Дмитриев впервые обвинил Бермана в троцкизме, настаи-

вал на его снятии с работы и исключении из партии, информировал ЦК об имеющемся компромате на Бермана. Столяр в отместку называл Дмитриева за его спиной подхалимом Кабакова и обвинял его в совместной работе с бывшим вражеским руководством области [8, д.12, л.133–135, 141].

А.Я.Столяра обязали лично отчитаться перед ЦК о том, как в свердловской областной парторганизации рассматриваются апелляции исключенных из партии. Доклад Столяра был заслушан на заседании Оргбюро ЦК ВКП (б) 4 марта 1938 г. В принятом постановлении работа Свердловского обкома по рассмотрению апелляций была признана неудовлетворительной, бюро обкома и персонально А.Я.Столяру было указано на ошибочное поведение в деле выполнения постановления январского партийного пленума. Решение бюро обкома от 20 января также поставили в упрек Столяру. «Таким решением Свердловский обком ВКП (б) неправильно ориентировал парторганизацию на то, что нынешнее руководство обкома ВКП (б) и его секретари якобы не допустили серьезных ошибок при исключении коммунистов из партии, и поэтому апелляциями исключенных из партии за последние полгода можно заниматься в последнюю очередь», – говорилось в постановлении [8, д.10, л.6–6 об., 12–13].

По возвращении из Москвы А.Я.Столяр проинформировал бюро Свердловского обкома о заседании Оргбюро ЦК. Со слов Столяра выходило, что Свердловский обком «покритиковали немножко», а по итогам личных бесед с А.А.Андреевым и А.А.Ждановым у него создалось впечатление, что резкой критики в адрес обкома не будет и в целом о работе обкома в ЦК отзываются неплохо [8, д.12, л.53].

Было ли так на самом деле, или А.Я.Столяр в очередной раз блефовал, беспокоясь о собственном авторитете среди областного начальства, но события стали развиваться стремительно и по наихудшему для него сценарию. Прямо во время работы пленума обкома, на котором 27 марта Столяр сделал доклад «О выполнении решения январского пленума ЦК ВКП (б) и о решении ЦК об ошибках обкома по рассмотрению апелляций», его вызвали в Москву. Обрато в Свердловск он уже не вернулся. Постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «О тов. Столяре», принятом 31 марта 1938 г., он был снят с должности с откомандированием в распоряжение ЦК ВКП (б). «ЦК ВКП (б) считает установленным, – говорилось в постановлении, – что т. Столяр не обеспечил руководства на посту первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б)». Помимо нарушений в реализации установок январского пленума ЦК партии, Политбюро обвинило Столяра в «серьезных недостатках» в руководстве сельским хозяйством и в «плохом руководстве» промышленностью в Свердловской области, особо

указав на лесозаготовки. В тот же день, 31 марта, А.Я.Столяр был арестован органами НКВД [2, д.1189, л.88; 8, д.10, л.9; 15, с.30].

Лишь после смещения Столяра пленум Свердловского обкома в присутствии члена Политбюро ЦК А.А.Андреева решился на констатацию очевидного – что Столяр в руководстве обкома опирался на группу привезенных из Кирова своих приближенных. «Эта артель была создана Столяром уже после указания товарища Сталина о недопустимости таких артелей, и, несмотря на это, Столяр создал эту артель вопреки указаниям Центрального комитета партии, – говорил на «антистоляровском» пленуме обкома секретарь партколлегии КПК В.А.Санталин. – Это не партийное действие, это – антипартийное действие. Видимо, Столяр думал, что указания ЦК партии и товарища Сталина даются для дураков, а для такого "умницы" эти указания товарища Сталина не касались» [8, д.12, л.177].

Обвинения в групповщине нашли отражение и в принятой по итогам пленума резолюции: «Пленум обкома отмечает, что т. Столяр грубейшим образом нарушил важнейшее большевистское правило руководства партийной организацией – коллективность в руководстве, опирался в своей работе не на бюро и пленум обкома ВКП (б), а на группку приближенных и подхалимствующих перед ним людей. В подборе и расстановке кадров т. Столяр огульно сеял недоверие к местным кадрам и проводил осужденную ЦК ВКП (б) практику подбора руководящих кадров по принципу знакомства и "землячества"» [8, д.12, л.185].

Спустя четыре месяца со дня ареста Столяр был осужден по обвинению в участии в антисоветской террористической правотроцкистской диверсионно-вредительской организации и расстрелян [15, с.30]. Его участь разделили Б.З.Берман, А.П.Грачев, А.С.Морозов, Л.А.Цехер.

Десять месяцев правления А.Я.Столяра вполне отчетливо показали, как сталинские политические преобразования 1937 г. воплощались в жизнь на местах. Свердловское начальство во главе со Столяром демонстрировало приверженность этим политическим преобразованиям и другим установкам верховной власти, но в действительности оказывало молчаливо-упорное сопротивление в их реализации по той причине, что эти преобразования ограничивали всевластие региональной партноменклатуры, угрожали ее материальному благополучию и стабильности. Местные «вожди» не желали расставаться со своими куклами, становиться лишь частью безликого партийно-управленческого аппарата, подвергаться критике как сверху, так и снизу, наряду с «простыми смертными» проходить через унижительную процедуру тайного голосования в состав партийных комитетов, рискуя быть избранными.

ДЕСЯТЬ МЕСЯЦЕВ АБРАМА СТОЛЯРА

Преданное окружение на важнейших руководящих постах являло собой ключевую компоненту властного могущества и стабильности региональных «вождей». Профессиональная некомпетентность этого окружения не служила помехой для высоких постов, и даже наоборот: ближайшие сподвижники не должны были затмевать величие первого секретаря обкома. Страдали лишь интересы дела, государственные интересы, которые для региональных «вождей» отходили на второй план.

Список сокращений

РГАСПИ. – Российский государственный архив социально-политической истории.

ЦДООСО. – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

Библиографический список

1. РГАСПИ. Ф.17. Оп.3.
2. РГАСПИ. Ф.17. Оп.163.
3. РГАСПИ. Ф.73. Оп.2.
4. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15.
5. ЦДООСО. Ф.4. Оп.18.
6. ЦДООСО. Ф.4. Оп.23.
7. ЦДООСО. Ф.4. Оп.24.
8. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33.
9. ЦДООСО. Ф.4. Оп.63.
10. ЦДООСО. Ф.161. Оп.6.
11. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Изд. 9-е. Т.6. М.: Изд-во политической литературы, 1985. 431 с.
12. Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. №11–12. С.3–23.
13. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В.Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник / Науч. ред. А.А.Чернобаев. Изд. 2-е, доп. М.: Новый хронограф, 2010. 784 с.
14. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов / сост.: О.В.Хлевнюк, А.В.Квашонкин, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая. М.: АИРО–XX, 1995. 340 с.
15. Сушков А.В., Разинков С.Л. Руководители Свердловской области: первые секретари обкома ВКП (б)–КПСС и председатели облисполкома. 1934–1991: биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2003. 284 с.